

www.eshkolut.ru

ШЕКСПИР В ГЕТТО

Читаем Венецию
справа налево

ВЕНЕЦИЯ, 4–7 ДЕКАБРЯ 2017

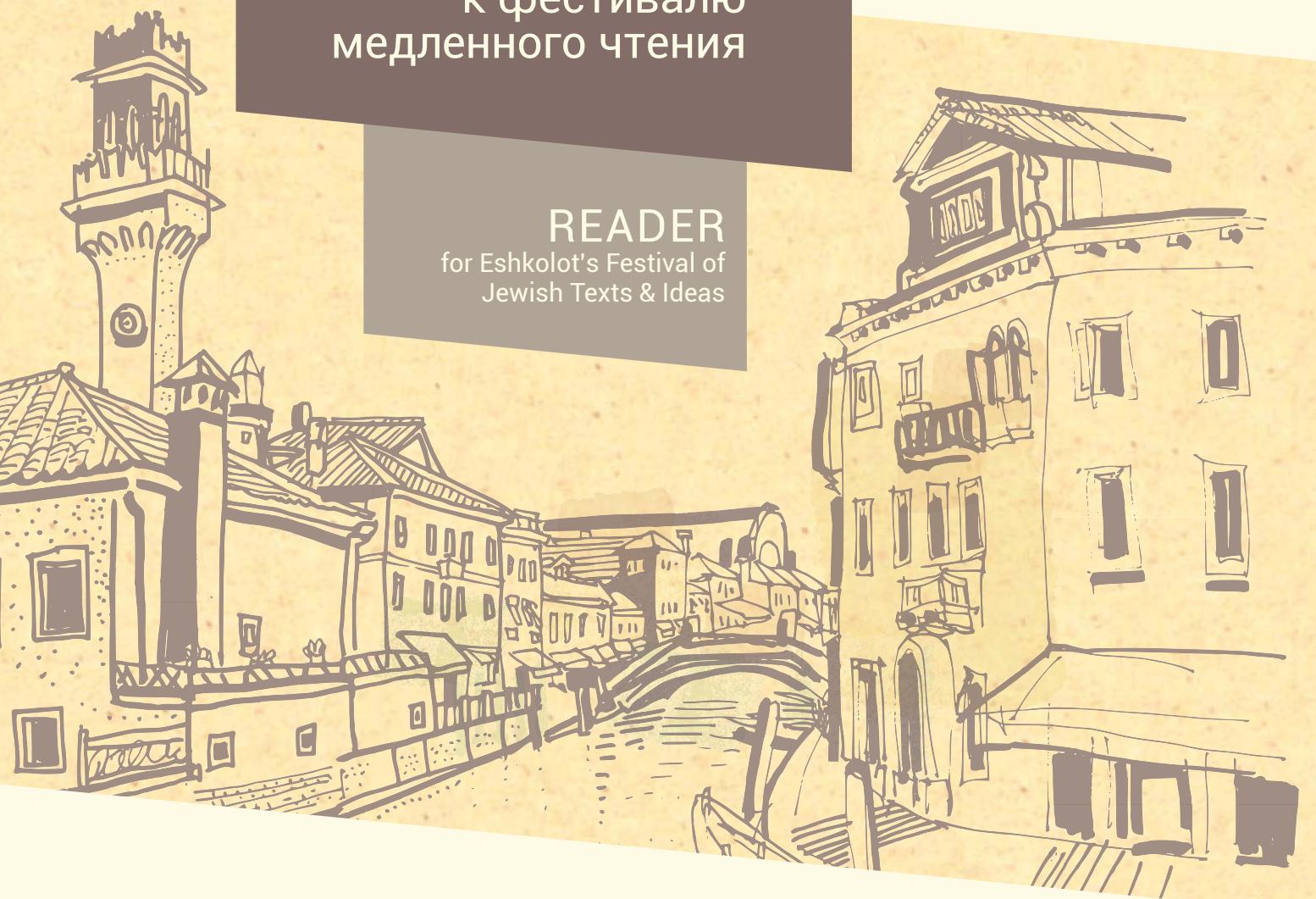
VENICE, ITALY, DECEMBER 4–7, 2017

АНТОЛОГИЯ ТЕКСТОВ к фестивалю медленного чтения

READER
for Eshkolot's Festival of
Jewish Texts & Ideas

**SHAKESPEARE
IN THE GHETTO**

Eshkolot Festival
in Venice

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ GENESIS
PHILANTHROPY GROUP, ЧАСТНЫХ СПОНСОРОВ И ФОНДА АВИ ХАЙ

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY GENESIS PHILANTHROPY GROUP,
PRIVATE DONORS AND THE AVI CHAI FOUNDATION

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Материалы к мини-курсу Йоэля Регева «Цфат в Венеции: лурианская каббала на итальянской почве» Study materials for Yoel Regev's mini-course "Safed in Venice: Lurianic Kabbalah in Italy"

Менахем Азарья из Фано. «Асара маамарот» _____	4
Нафтали из Франкфурта. «Шаар ха-ахана» _____	6
Рихард Вагнер. «Тангейзер» _____	7

Материалы к мини-курсу Арно Бикара «Рыцари на улицах гетто: идишская поэзия эпохи Ренессанса» Study materials for Arnaud Bikard's mini-course "Knights in the Streets of the Ghetto: Yiddish Poetry of Italian Renaissance"

Примеры из литературы на идише с итальянским влиянием _____	42
Элия Левита как гебраист _____	48
Элия Левита. Творчество на идише _____	51
Элия Левита. «Бово Дантона» _____	56
Элия Левита. «Парис и Вьена» _____	61
«Седер Ношим»_____	70

Материалы к мини-курсу Санны Турома «Русский мавр в Венеции: Иосиф Бродский и ориентализм» Study materials for Sanna Turoma's mini-course "Russian Moor in Venice: Joseph Brodsky and Orientalism"

Joseph Brodsky. Watermark _____	75
Иосиф Бродский. «Набережная Неисцелимых» _____	104
Иосиф Бродский. «Путешествие в Стамбул» _____	133
Иосиф Бродский. «Лагуна» _____	154
Иосиф Бродский. «Сан-Пьетро» _____	157
Иосиф Бродский. Венецианские строфы (1) _____	160
Иосиф Бродский. Венецианские строфы (2) _____	162
Иосиф Бродский. «В Италии» _____	164
Иосиф Бродский. «Лидо» _____	165
Иосиф Бродский. Посвящается Джироламо Марчелло _____	166
Иосиф Бродский. «С природы» _____	167

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ GENESIS PHILANTHROPY GROUP, ЧАСТНЫХ СПОНСОРОВ И ФОНДА АВИ ХАЙ

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY GENESIS PHILANTHROPY GROUP, PRIVATE DONORS AND THE AVI CHAI FOUNDATION

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

AVI
CHAI

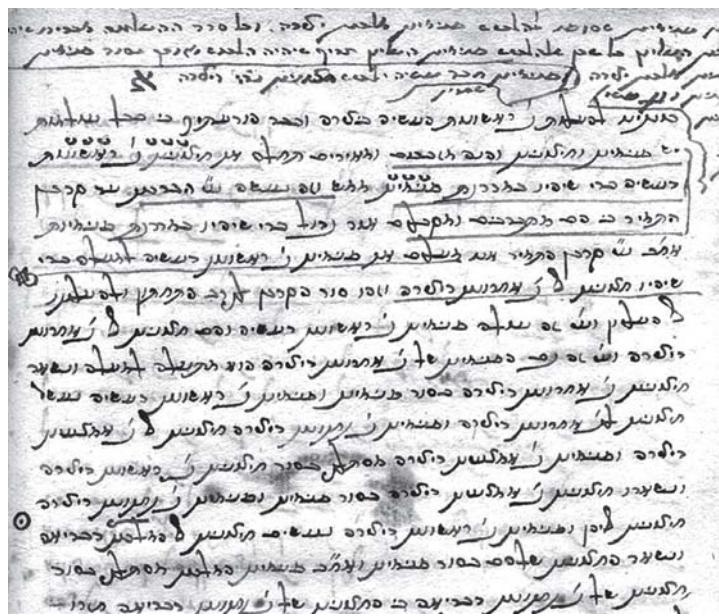
BEIT
VENEZIA
A HOME FOR
JEWISH CULTURE

www.eshkolut.ru

Материалы к мини-курсу Йоэля Регева

Цфат в Венеции: лурианская каббала на итальянской почве

Study materials for Yoel Regev's mini-course

Safed in Venice: Lurianic Kabbalah in Italy

Рабби Менахем Азарья из Фано

«Асара маамарот», маамар хикур дин , часть 4, глава 17

המשכילים יזהירו עם מה שאמיר יהונתן לדוד אתה מלך על כל ישראל ואני איה לך למשנה וגם שאל אבוי יודע כן כי הידעה לא תאמר אלא בדברים האמתיים העתידיים להתקיים על כל פנים וגם שאל כשביס את דוד אחרי כרתו את כנף המעל במערה לאות שלא רצה לחבוק בו אמר לו ידעת כי מלך מלך וקמה בידך ממלכת ישראל והן שלוש מלכיות לאדם לדוד ולמשיח כי ביד משיח לבדו תקקים ממלכת ישראל כאשר ז"ל שפירשו ממלכת שפלה היא חלק המשנה ותקם ביד משיח בעל המלוכה האמיתית שייה המשנה נשמע אליו למורי וכבר זכרנו כי היה המשנה וחפץ להיות לו למשנה כי אמnum נפש יהונתן נקשרה בנפש דוד קטן נתלה בגדול הוא שודד מקונן עליו נפלאתה אהבתך לי כי אין השכל סובל מדרך הטבע שייה בין המלך אהוב את עבדו עד שיוישיבתו לרצונו על כסא אביו והוא יהיה לו למשנה אלא אמר דוד מהאהבת נשים אמותינו זו לזו שרחל מסרה סימניין לאליה ולא נתקנאה ביריך אהבתך לי שלא הייתה מקנה בי והיה זה וזה מהפלא העליון שאין בו טעם ומשביע לכל כי רצון بلا קגאה ובלא תחרות והוא אשר חפץ עשה שתושיב קטנה את הגדולה באפרינו ותעשה לה שושבינות וכון במשפט המלך להיות בנימין צער כון ליהודה כסאו נמצאו לפיה והשני מני זוג לאדם אחד כרחל לע יעקב שהיתה בת זוגו ממש בתולדות הנשות מזוגו של הקב"ה והנסת ישראל על זה נאמר עזרי מעם ה' כמה דאת אמר עשה לו עוז כנגדו ואחד שלא מדין התולדות אלא ברוחמים ציזוגה של לאה כמה דכתב מאין יבא עזרי כי הפלא העליון נקרה אין כנודע וכן כתיב והחכמה מאין תמציא יאמר נא צדייקו של עולם דכתב ביה הצדיק אבל אשא עיני שני מדות שעליו אל ההרים שלשה שעליון מאין פלא כלל תלתה יבא עזרי כדארון והוא באמת יהוד נפלא פשוט וברור בשפט אמת והאומר המזמור זה בכונה בסוף כל תפלותי קודם עקרית רגלו מזמין לו בת זוגו הוגנת לו אם בתולדות ואם ברוחמים והමבקש רוחמים על הזוג העליון לפי הכוונה שזכרנו והוא צריך לאותו דבר הוא גענה תקופה למען זוכה לאתערא מהתא ולהיות שושבין לעילא.

И поймут просвещенные сказанное Йонатаном Давиду: «воцаришься ты над Израилем и буду я наместником твоим, и также и отец мой, Шауль, ведает об этом». Ибо «ведает» говорится лишь о событиях истинных, которые исполняются в будущем. И также и Шауль, дабы умиротворить Давида, после того, как отрезал тот кусок от одеяния его в пещере, в знак того, что не хотел наносить физический урон, сказал ему: «Ведаю я, что воцаришься ты, и рукою твою упрочится царство Израиля». И вот, есть три царства: Адама, Давида и Мashiаха; и только руками Mashiахa по настоящему упрочится царство Израиля, как сказали о том наши мудрецы, объяснившее, что это – царство низшее, царство наместника, и упрочится оно лишь руками Mashiахa, обладателя подлинной власти, и будет наместник полностью подчинен ему. И уже сказали мы выше, что Йонатан с радостью подчинялся Давиду и желал этого, ибо связана была душа Йонатана с душою Давида, подобно тому, как душа малого связывается с душой большого; и потому и сказал Давид, оплакивая его: «Чудесна любовь твоя ко мне» – ибо противоречит рассудку и путям природы, чтобы настолько любил сын царя слугу своего вплоть до того, чтобы возвести его по собственному желанию на трон отца своего, а самому стать наместником его. И продолжил Давид: «подобно любви женщин» – праматерей наших – «одна к другой»; ибо Рахель передала знаки Леи, и не было в ней ревности к сестре ее, и оттуда – исток любви твоей ко мне, и отсутствия ревности в тебе ко мне. И исток того и другого – в сокрытом чуде великому, в которым не отыщешь смысла; и насыщающий всякое желание живое, без соревнования и ревности, что восхотел, то и совершил, и сделал так, чтобы младшая возвела старшую на ложе, и сделалась брачной свитою ее; и таков же закон царей: Беньямин, младший, готовит для Йегуды трон его.

И вот, в соответствии с этим, две пары есть у человека: одна – как Рахель у Йакова, бывшая подлинной парой ему по происхождению души от самого сочетания Пресвятого, Благословен он, и Общины Израиля, и об этом сказано: «Помощь мне от Господа», подобно говорящемуся: «Сотворю ему помощь напротив него». Другая же пара – не по закону происхождения, но по милости, подобно Леи, как сказано «Откуда /из ничто/ придет помощь мне»; ибо высшее чудо называется «ничто», как известно о том; и также сказано «а мудрость – из ничто найдена будет».

И скажет пусть о том праведник мира, о коем сказано «праведник исчезающий», «вознесу глаза свои» – две меры свои – «к вершинам горным» – это третье – и над ними «из ничто» – чудо – включающее в себя три, /и оттуда/ «придет помочь мне», как сказано. И это – воистину единение чудесное, простое и ясное, изложенное языком истинным; и всякому, произносящему псалом этот с намерением надлежащим по окончании молитвы его уготована будет пара его, по закону происхождения ли, или же по милости. И всякий просящий милости для соединения высшего в соответствии с упомянутыми интенциями, и сам нуждающийся в том же – будут услышаны молитвы его, и получит он первым /то, в чем нуждается/, дабы удостоился он пробуждения снизу и быть свитою брачной сверху.

Рабби Нафтали из Франкфурта

«Шаар ха-ахана»

ד>ש>משה השיג בסוד הדעת עד כתר עליון, ועל זה היה קשה: אם משה זכה זה בזכותו, למה יהיה בלתי אפשרי שישיגו עוד צדיקים אחרים כמוותו; הלו adam הוא בעל בחירה ובבחירה תיליא... לזה חזרין למחילת התורה בראשית שפירשו בחכמתה; אם כן כיון שבראית העולם מתחילה בחכמה שנקרה "יש" והऋת נקרה "אין" אי אפשר לשום אדם שהוא תחת הבריאה להשיג הקדום. והוא סוד לאה שעולה עד הכתבר. ומשה היה בסוד לאה ומרמז בקרא <בפסוק> "ויאאל משה לשבת את האיש רashi תיבות" לאה; וגם כן "תפילה למשה איש האלוהים" ראשית תיבות לאה. וכן נרמז בכמה דוכתי <מקומות> שללאה לא הייתה להיות בקדושה כי אם בחלוקת של עשו וזהו נרמז בתיבת בראשית תיבות שהוא ראשית תיבות "בשביל תמימות אברהם יצחק יעקב שרה רבקה רחל" ברא אלוהים את השם ואת הארץ: הרי נזכרו שלשה אבות ושלושה אמהות ולא נזכרה לאה ואחר כך נכנסה לקדושה אצל יעקב...

וב"עשרה מאמרות" הובא שלאה תכנס לקדושה לעתיד וזהו "עללו מושיעים בהר ציון לשפט את הר עשו וגוי", לשפט את הר עשו – ראשית תיבות לאה ואחר כך כתיב "עשו", שאז נלקחה אותה מחלוקת של עשו לקדושה. ולכואלה דברים אלו סותרים זה את זה דכאן אמר דיעקב הכנס אותה לקדושה וככאן אמרנן <אומרים> שאז ביום המשיח תכנס לקדושה... אומנם נראה לי כי אלו ואלו דברי אלוהים חיים והן כבשנו של עולם כי חס מלמר כן שללאה לא הייתה בקדושה חס ושלום מימיות העולם; רק הכוונה היא כי לאה היא בסוד הכתבר אשר אי-אפשר להשיג מדרגה זו בזו העולם מחמת שליחות הקליפות וסמאלו הוא ראש הקדש ליפה שרו של עשו הוא נרגן מفرد ומעכב בחטאינו להשיג עד כה... וזה הכוונה "לאה נפלה בחלוקת של עשו": שנפלה בחלוקת, שהוא מעקב גודל השגתה שלא נשיג אותה עד לעתיד ימות המשיח אשר אז... נוכל להשיג אותה קדושה...

И знай, что тайна постижения Моше – ведение, восходящее до высшего венца... И это – тайна Леи, восходящей до сфиры «кетер»... И можно задаться вопросом: если удостоился Моше подобного постижения благодаря праведности его, отчего невозможным и иным праведникам удостоиться подобного? Ведь наделен человек свободой выбора, и от выбора его все зависит. И /для того, чтобы ответить на этот вопрос/ возвращаются к началу Торы – «Берешит», то есть – «с помощью мудрости». И потому, раз творение мира начато было с мудрости, называющейся «сущее», а венец называется «ничто», невозможно ни для какого человека, находящегося под властью творения, постичь предшествующее – древнее... И это – тайна Леи, восходящей до высшего венца. Моше же был в тайне Леи, как намекает на это стих «Молитва Моше, человека божьего» – из начальных букв этих слов составляется имя «Лея». И в нескольких местах намекается также на то, что Лея не должна была быть принадлежащей к святости, но была уготована в долю Эсаву, и на это и намекает слово «Берешит», буквы которого представляют собой анаграмму, означающую «Ради непорочной цельности Авраама, Ицхака, Яакова, Сары, Ривки и Рахели» создал Бог небеса и землю. И вот упомянуты тут трое праотцев и трое праматерей, а Лея не упомянута, после же была введена она в область святости Яаковом.

И указывается в книге «Асара маамарот», что в будущем войдет Лея в область святости, и об этом сказано «И поднимутся спасенные на гору Сион судить гору Эсава», и из первых букв слов «судить гору Эсава» составляется слово Лея, ибо тогда будет выведена она из-под власти Эсава и введена в область святости. И казалось бы, есть в этом противоречие: ибо сказано ведь, что Яаков ввел ее в область святости – а здесь говорится, что лишь во дни Мashiacha будет введена она в область святости... Однако то и другое – слова Бога живого, и это – великая тайна. Уласи Бог сказать, что не была Лея принадлежащей святости когда бы то ни было; но указывает Лея на тайну венца – на ступень, постижение которой невозможно в этом мире... И это-то и подразумевается сказанным «Лея оказалась отданной в долю Эсаву»: была отдана ему в долю, ибо он – великая помеха к постижению ее, не дающий постигнуть ее вплоть до дней Мессии... а в них – сможем мы постигать ее в святости.

Рихард Вагнер

ТАНГЕЙЗЕР

и состязание певцов в Вартбурге
(Вторая, окончательная редакция драмы)

Акт I

Действующие лица

Герман, Ландграф Тюрингенский

Тангейзер,

Вольфрам фон-Эшенбах,

Вальтер фон-дер-Фогельвейде,

Битерольф,

Генрих дер-Шрейбер

Рейнмар фон-Цветер,

Елизавета, племянница Ландграфа.

Венера.

Молодой пастух.

Тюрингенские рыцари, графы и вассалы. Благородные дамы.

Пажи. Старшие и младшие пилигримы.

Три Грации. Сирены. Наяды. Нимфы. Вакханки. Юноши. Амуры. Сатиры и Фавны.

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Первый акт – внутренность Хёрзельберга близ Эйзенаха; долина перед Вартбургом.

Второй акт – зал певцов в Вартбурге.

Третий акт – долина перед Вартбургом.

Время действия – начало XIII столетия.

ПЕРВЫЙ АКТ

Внутренность Венериной горы (Хёрзельберг близ Эйзенаха)

Глубокий грот, на заднем плане делающий поворот вправо и как бы уходящий в бесконечность. Сверху из расселины, пропускающей слабый дневной свет, вдоль всего свода низвергается зеленоватый водопад, бурно пенящийся в камнях; из образующегося бассейна течёт по направлению к заднему плану ручей, в самой глубине сцены расширяющийся в озеро. Там виднеются фигуры купающихся Наяд; по берегам озера расположились Сирены. С обеих сторон грота – скалистые выступы неправильной формы, поросшие причудливыми, коралловидными тропическими растениями. Слева, ближе к переднему плану, уходит вверх пещерообразное ущелье, источающее нежный розовый полусвет. Перед этой пещерой, на авансцене, покоятся на великолепном ложе Венера; возле ложа склонился Тангейзер, положив голову на колени богини; рядом с ним – его арфа. Вокруг ложа в пленительно-сплетающихся позах расположились три Грации. В стороне и позади ложа спит множество маленьких Амолов, беспорядочно скучившихся один подле другого и друг на друге, в виде спутанного клубка, – подобно утомившимся от борьбы и уснувшим детям. – Весь передний план освещён чудесным красноватым светом, проникающим снизу; сквозь эту алую дымку сильными пятнами пробиваются изумрудно-зелёный тон водопада и белизна его пенящихся волн. Отдалённая глубина заднего плана с берегами озера окутана сияющей голубой мглою, словно озарённая лунным светом.

При самом поднятии занавеса на высоких скалистых уступах видны юноши с чашами в руках; но вскоре они, соблазнённые манящими телодвижениями Нимф, спешат к ним вниз. Нимфы заводят призывный хоровод вокруг пенящегося бассейна, увлекая юношей: образуются пары и группы. Искашение, убегание и грациозное заигрывание оживляют танец.

Из отдалённой глубины заднего плана приближается вереница Вакханок; они шумно влетают в ряды влюблённых пар, возбуждая их к бурному веселью. Жестами и движениями, преисполненными восторженного опьянения, Вакханки разжигают влюблённых, несдержанность которых всё растёт и растёт. – Опьянённые любовью порывисто и страстно обнимают друг друга. Из ущелий появляются Сатиры и Фафны, пляской своей презаясь в толпу Вакханок и влюблённых пар. Охотясь за Нимфами, они увеличивают разгульную сумятицу; всеобщее опьянение возрастает и доходит до величайшего неистовства.

В момент крайнего любовного исступления с ужасом поднимаются три Грации. Они стараются удержать и разобщить беснующихся. Но Грации не в силах остановить разыгравшейся бури, которая грозит увлечь их самих; тогда они обращаются к спящим Амурям, расталкивают их и заставляют взлететь к сводам грота. Порхая в вершине, подобно стае птиц, Амуры занимают всё верхнее пространство грота: там они как бы выстраиваются в боевой порядок и пускают вниз на беснующуюся в глубине толпу целые тучи стрел. Раненые, охваченные могучим любовным томлением, прекращают бешеный танец и в изнеможении опускаются на землю. Грации овладевают ранеными; соединяя опьянённых попарно, они мягким принуждением стараются рассеять их в глубине заднего плана. Там Вакханки, Фавны, Сатиры, Нимфы и юноши, – частью гонимые Амурями и с верхних уступов, – расходятся по разным направлениям.

Розовый туман, всё более и более плотный, опускается на сцену: в нём исчезают сначала Амуры, затем он густыми облаками заволакивает весь задний план, – так что в конце концов, кроме Венеры и Тангейзера, видны только три Грации. Последние возвращаются теперь на авансцену; сплетаясь в прелестные группы, они приближаются к Венере, возвещая ей о победе, которую они одержали над бурными страстями подданных её царства. Венера взирает на них с благодарностью.

Голоса невидимых Сирен
К нам, к нам плывите!
В край наш спешите!
Он вашей страсти
даст утоленье!
В наших объятьях –
сон и забвенье!

Облака на заднем плане расходятся, открывая туманную картину похищения Европы, которая плывёт по голубому морю на спине белого быка, украшенного цветами, в сопровождении Тритонов и Нереид. Розовый туман опять закрывает глубину сцены, видение исчезает, и Грации прелестным танцем выясняют таинственное содержание картины, как могучее деяние любви. – Голоса Сирен звучат вдали.

Снова раскрывается туманная завеса. В мягкой лунной мгле видна Лeda, лежащая на берегу лесного озера; к ней подплывает лебедь и, ласкаясь, прячет свою шею на её груди. Бледнея, постепенно исчезает и это видение. Наконец, розовый туман в глубине совершенно рассеивается, открывая весь грот, – пустынный и тихий. Грации с лукавой улыбкой склоняются перед Венерой и медленно удаляются в грот любви.

Глубочайший покой. – Неизменившаяся группа Венеры и Тангейзера.

Тангейзер вздрагивает и быстро поднимает голову, словно пробуждаясь от сна. Венера ласковым движением снова привлекает его к себе. Тангейзер проводит рукой по глазам, как бы стараясь удержать сновидение.

Венера

(очень спокойно).

Приди в себя, друг милый мой!

Тангейзер

(быстро).

Мечта! Мечта!

(Медленнее и тихо)

О, сонных грёз

обманы!

Венера

(спокойно ласкаясь).

Чем же ты взволнован?

Тангейзер

Объятый сном, услышал я

давно забытых звуков тень:

я благовест приветливый услышал...

Когда звучал он мне в последний раз?

Венера

(по-прежнему).

Чем ты смущён? Что так томит тебя?

Она нежно проводит рукой по его челу.

Тангейзер

(грустно).

Часы и дни бегут, – я считаю им

не знаю: зимы, весны, – для меня

их нет; ведь я давно не вижу солнца,

мне не мерцают ласковые звёзды;

не вижу муравьи полей цветущих,

что лето вновь несёт; и в час ночной

мне соловей не возвещает Мая...

(Живо)

Иль для меня он навсегда умолк?

Венера

(в спокойном удивлении).

Ха! Что я слышу! – Какие речи!

В дарах моей любви чудес так много, –

ужель в блаженстве ты скучаешь? Разве

быть божеством мой друг уже устал?

Но ты забыл, какие ты терпел
страданья, – только мной ты был спасён!
(Поднимаясь)
Певец мой, встань, – и возьми в руки арфу!
(Она берёт арфу и подаёт ему.)
Прославь союз наш, – ты любовь поёшь так дивно,
что и меня, богиню страсти, ты пленил!
Любовь вручила величайший дар тебе!

Тангейзер, внезапно приняв энергичное решение,
берёт арфу и торжественно становится перед Венерой.

Тангейзер
Я твой певец! Бесцenna та награда,
что мне, счастливцу, мощь твоя дарит!
Всех благ славней чудес твоих отрада,
и петь ей гимны сердце мне велит!
В истоме чувств всю чашу наслаждений
до дна испить так жадно я хотел:
чем только боги прежде упивались, –
всё ты дала мне, смертному, в удел! –
Но смертный всё ж здесь пред тобою, –
твоей любви, ах! я не стою:
удел богов – блаженный сон,
а я для смены чувств рождён;
одних утех мне мало моря,
и в счастьи сердце жаждет горя! –
Вне жизни жить я не могу!
Богиня! Друг мой! Я бегу!

Венера
(словно пробуждаясь от сна)
Какие звуки! Что с тобой?
Как мрачно кончил ты свой гимн!
Скажи, где твой огонь, певец,
что лишь восторгом мне пылал?
Где он? Ужель моя любовь поблекла?
О, милый! Молви, в чём виновна я?

Тангейзер
(ударяя по струнам арфы).
Честь, честь тебе, любви твоей могучей!
Блажен на веки, кто её вкусили!
Да, счастлив тот, кто страстью сердца жгучей
в твоих объятьях страсть богов делил!
Твои владенья – царство вечной грёзы,
мне веет здесь дыханье красоты;
таких соблазнов нет нигде на свете:
всё, что там есть, легко отбросишь ты...

Но я из этой дымки алой
на землю вновь стремлюсь, усталый...
Там так прозрачен свод небес,
там шелестит зелёный лес,
там пенье птичек нежно льётся,
там милый сердцу звон несётся...
И только там я жить могу!
Богиня! К людям я бегу!

Венера
(соскачивая со своего ложа).

Изменник! Ах! Меня ты оскорбляешь?
Презреть мою любовь ты смеешь дерзко?
Ей гимн поёшь, – и сам её бежишь?
Постыла прелесть чар моих тебе?

Тангейзер
Ах, не гневись, прекрасная богиня!

Венера
Постыла прелесть чар моих тебе!

Тангейзер
Лиши прелестью безмерной ты страшна мне!

Венера
О, злой предатель! Лживый, лицемер!

Тангейзер
Нет, я люблю сильнее, глубже, чище, –
теперь, сказав навек тебе прости!

Венера
Останься здесь! Не смеешь ты уйти!

Она с криком отвернулась в сторону, закрыв лицо руками. – Долгое молчание. Затем Венера снова начинает ловить взор Тангейзера, внезапно оборотясь к нему с обольстительной улыбкой. – По её знаку появляется волшебный грот, на который она указывает Тангейзеру.

Венера
(начиная тихим голосом).
Взгляни, нас манит грот услады, –
там розы алый запах льют;
там сами боги были б рады
найти для тайных ласк приют...
Покоясь на пуховом ложе,
ты можешь там со мной уснуть;
зефир чело твоё обвеет
и сладкий жар проникнет в грудь...
(Стараясь нежно привлечь его к себе)
О, милый друг, приди ко мне! Приди!

Голоса сирен
(очень издалека).
В край наш плывите!..

Венера
Ты слышишь, к нам взывают звуки песен,
чтоб стал союз наш неразрывно тесен!
Из уст моих, с очей лучистых
ты мёд богов глотнёшь,
ты цвет любви сорвёшь:
свой мир скорбей ты вновь забудь беспечно, –
пусть нашей страсти праздник длится вечно!
Ты робких жертв не приноси любви:
как бог, с богиней праздно век живи! –
Что ж, нежный друг, – я жду ответа: ты уйдёшь?..

Тангейзер
(взволнованный в высшей степени, ещё раз порывисто хватается за арфу)
Ты вечный светоч мой, и гимн хвалебный
я буду петь всегда тебе одной!
Ты украшаешь жизнь мечтой волшебной,
и всё живое слышит голос твой!
Тот жар богов, что ты влила мне в сердце, –
пытай огнём ярчайшим в честь твою!
Да, быть твоим борцом пред всей вселенной
навеки клятву я тебе даю! –
Но должен я бежать на землю:
тебе, как раб, я молча внемлю!
Пусть вольно грудь вздохнёт моя, –
свободы, воли жажду я!
Хочу борьбы, хочу врагов, –
я вызвать смерть на бой готов!
Без бури жить я не могу!
Прощай, богиня! Я бегу!

Венера
(в сильнейшем гневе).
Ступай, ступай, безумец!
Ступай! Беги, изменник!
Да, ты свободен стал!
Я не держу тебя!
Ступай! Несчастный!
Ты пожелал своей судьбы!
Иди! Иди!
Да, к ним, к холодным людям, беги!
От их туманной, злой тщеты
наш светлый род богов бежал
и скрылся в лоне тёплом земли...
Ступай, безумец, – счастья ищи!

Счастья ищи, – его там нет!
Та, чью любовь презрел ты дерзко,
чью гордость победно ты разбил, –
та может дать пощаду:
забыв презренье, милости проси!
Сверкай тогда позор твой, –
богини стыд превратился в смех!
Отвержен, проклят, ты идёшь ко мне,
опустив так низко взоры: –
«О, если б мне ещё раз
она улыбнулась!
Ах, если б мне вновь открылись
врата её блаженства!»
На пороге простерт,
там в слезах он лежит,
где вкушал безбрежную радость!
Он жалость вызвать хочет, –
только жалость!
Назад! Уйди, нищий!
Скройся, раб! Лишь герои
входят в мой чертог!

Тангейзер
Нет! Я горд, –
и над моим бесчестьем
ты вовек
слёз не будешь лить!
С тобой я прощаюсь, богиня,
и никогда
не вернусь назад!

Венера
(с криком ужаса).
Ха! Ты скрылся навсегда! –
Что сказал он?
Что сказала я?
Как? Навсегда?
Непостижимо!
И невозможно!
Мой певец ушёл навсегда?! –
(После некоторого молчания)
За что такой тоскою
судьба меня карает, –
за что не даст простить
того, кто так мне мил?
Ужель любви царица,
богиня благ великих,
не смеет в час беды

лаской друга утешить?
Ты помнишь, я
в томленьи сладком
сквозь слёзы улыбалась,
твоей внимая песне, –
давно умолкшей хвале...
О! Разве мог
герой мой помыслить,
что холодной я останусь,
услыхав его души
терзанья, жалобы, стоны?
Последнюю радость
я здесь нашла с тобой, –
и меня ты не отвергнешь!
Презреть ты не можешь
чар моих!
(Впадая в отчаяние)
Ах, вспомни обо мне, –
иль весь твой мир
будь проклят мной!
Пусть навек опустеет он,
утратив мой огонь! –
(Умоляя в полном отчаянии)
Вернись! Вернись же!
Ласкам богини доверься!

Тангейзер
Кто тебя бежал, богиня,
тот всяких ласк бежал!

Венера
Не гони горделиво томленья,
обо мне тоскуя в беде!

Тангейзер
Борьбы томлюсь я жаждой, –
не надо мне услад!
Пойми меня,
пойми, богиня!
(Бурно)
Я о смерти тоскую,
и смерть влечёт меня!

Венера
Возвратись, если смерть не придёт
и могила не примет тебя!

Тангейзер
Я в сердце смерть
и могилу ношу!

В слезах покаянных
я мир и покой найду!

Венера

Мир тебе заповедан!
Не найдёшь ты покоя!
Вернись ко мне, –
если хочешь спастись!

Тангейзер

Богиня любовных утех!
Нет, моей душе
ты спасенья не дашь!
Покой даст мне Мария!

Ужасный громовой удар. Венера исчезает. Быстрое превращение сцены. Тангейзер, оставшийся на месте, внезапно оказывается перенесённым в прекрасную долину. Голубое небо, ясное солнечное освещение. – Справа в глубине сцены виднеется Вартбург; слева, сквозь долину прогалину, – Хёрзельберг. – С половинной высоты долины, направо, идёт вниз горная дорога по направлению от Вартбурга к авансцене, где она сворачивает в сторону; тут же на переднем плане находится изображение Божьей Матери, к которому ведёт низкий выступ горы. С высоты налево раздаётся звон колокольчиков пасущегося стада; на высоком выступе горы, лицом к долине, сидит молодой пастух и играет на свирели.

Пастух

Ходила Хольда гулять из гор,
и где богиня гуляла,
там сладких звуков слышу я хор,
чудес там вижу я не мало.
(Он играет.)

Приснился мне волшебный сон;
и вот, когда растаял он, –
в лучах земля сияла:
весна, весна настала!
Ну, веселей, свирель, играй:
вот Май пришёл, весёлый Май!

Он играет на свирели. – Вдали раздаётся пение старших пилигримов, приближающихся по горной дороге со стороны Вартбурга.

Пение старших пилигримов.

К тебе иду, Иисус Христос, –
надеждой дух мой ты вознёс!
Со мной, Мария Дева, будь!
Благослови спасенья путь!

Пастух, услышав пение, прекращает игру на свирели и набожно внимает голосам пилигримов.

Пилигримы

Моих грехов так тяжек гнёт, –
терпеть их я не в силах боле!

Покой мне счастья не даёт, –
я рад тернистой, скорбной доле...
В заветном граде, светлым днём,
покаюсь я в грехе моём;
кто твёрдо верит, тот спасён:
прощенья весть услышит он!

Пастух, махая шляпой, громко кричит пилигримам, когда они появляются на горе против него.

Пастух
Дай Бог! Счастливый путь!
И за меня молитесь в Риме!

Тангейзер, который всё время стоял посреди сцены, словно приросший к месту, в сильном потрясении падает на колени.

Тангейзер
Хвала тебе, Творец!
О, как велик ты в милосердье!

Шествие пилигримов, проходя по горной дороге мимо изображения Божьей Матери, сворачивает налево и таким образом постепенно покидает сцену. Пастух со свирелью тоже удаляется в горы, – колокольчики стада слышны всё дальше и дальше.

Пилигримы
К тебе иду, Иисус Христос, –
надеждой дух мой ты вознёс!
Со мной, Мария Дева, будь!
Благослови спасенья путь!

Тангейзер
(На коленях, забывшись в горячей молитве).
Моих грехов так тяжек гнёт, –
терпеть их я не в силах боле!
Покой мне счастья не даёт, –
я рад тернистой, скорбной доле...

Слёзы душат его; он склоняет голову низко к земле и, видимо, рыдает. – Очень издалека, со стороны Эйзенаха, доносится колокольный звон.

Голоса пилигримов
(замирая в отдалении)
В заветном граде, светлым днём,
покаюсь я в грехе моём;
кто твёрдо верит, тот спасён...

Вдали раздаются звуки охотничьих рогов. По мере того, как они постепенно приближаются, дальнейший благовест умолкает. С высоты налево, по лесной тропе, спускаются один за другим на сцену Ландграф и певцы, – все в охотничьих одеждах.

Ландграф
(с половинной высоты замечая Тангейзера).
Кто там склонился в пламенной молитве?

Вальтер

Так, кто-нибудь...

Битерольф

Но он одет, как рыцарь!

Вольфрам

(прежде всех спешит к Тангейзеру и узнаёт его).

Наш Генрих!

Певцы

Генрих! Генрих! Это он!

Тангейзер, застигнутый врасплох, быстро вскакивает на ноги; он овладевает собой и молча склоняется перед Ландграфом, бросив беглый взгляд на него и на певцов.

Ландграф

Ты возвратился? Хочешь снова в круг
вступить, что так надменно ты покинул?

Битерольф

Но что ты нам теперь с собой приносишь?
Доверье, – или вновь мы вступим в бой?

Вальтер

Ты ныне друг нам, или враг?

Остальные певцы, кроме Вольфрама

Ответь!

Вольфрам

Ах, полно вам! Ужель врагом он смотрит?
(Он дружелюбно подходит к Тангейзеру.)
Привет тебе, певец отважный, –
тебя так долго не хватало нам!

Вальтер

Привет мой, если добр ты стал!

Битерольф

Привет мой, если рад ты нам!

Все певцы

Привет, привет! Привет тебе!

Ландграф

Прими и мой привет, певец!
Скажи, где был так долго ты?

Тангейзер

Я странствовал вдали, вдали от вас, –
там, где меня покой бежал всегда...
Ну, что ж! Я распри с вами не начну, –
вы мне друзья, – но дальше я пойду...

Ландграф

О, нет! Ты нашим стал опять сегодня!

Вальтер

Ты не уйдёшь!

Битерольф

Не пустим мы тебя!

Тангейзер

Нет, нет! Я отдыхать не должен, –

мне надо тотчас в новый путь!

Дано мне лишь вперёд стремиться, –

не смею я назад взглянуть!

Ландграф и певцы

Зачем? Ты должен здесь оставаться,

не пустим мы тебя от нас!

Ты нас искал, – тебя мы ждали!

Отраден нам свиданья час!

Тангейзер

(вырываюсь).

Прочь, прочь отсель!

Певцы

Останься здесь!

Вольфрам

(загораживая путь Тангейзеру и возвышая голос)

Вблизи Елизаветы!

Тангейзер

сильно и радостно поражённый, останавливается как очарованный.

Елизавета! – О, силы неба!

Какое имя назвал ты!

Вольфрам

Да, это имя назвал я тебе,

как друг!

(Обращаясь к Ландграфу.)

Дозволь мне, государь, ему

поведать, как он счастлив стал?

Ландграф

Пусть он узнает силу чар своих;

дай Бог, чтоб он, как рыцарь,

достойно разрешил их!

Вольфрам

Когда боролись в пенни мы с тобою,

победы блеск тебе порой сверкал;

порой и мы в бою тебя сражали, –

но был венец, что ты один стяжал...
Святым огнём, иль силой чар
невинность девы ты пленил?
Певца волшебный, дивный дар
восторг и слёзы ей внушил!
Увы, когда ты нас покинул,
румянец щёк её погас;
ей наши песни стали скучны, –
в тоске она забыла нас! –
Явись же вновь певцом-поэтом, –
пред нею с нами пой опять!
И в зале песен ярким светом
нам будет вновь она сиять!

Певцы

Вернись же, Генрих, в круг наш тесный!
Пусть смолкнут гнев и злой разлад!
Яви нам вновь свой дар чудесный
и с нами пой, как друг и брат!

Тангейзер, глубоко растроганный, бросается в объятия Вольфрама, затем приветствует поочерёдно каждого из певцов и с сердечной благодарностью склоняется перед Ландграфом.

Тангейзер

Друзья, идём! Ах, к ней, скорее к ней! –
Ха! Ты теперь опять мне дорог,
прекрасный мир! Да, я воскрес!
Смеётся небо мне приветно,
ласкает взоры вешний лес!
Весна несметным роем звуков
поёт свой гимн в душе моей!
В томленьи бесконечно-нежном
я слышу зов: скорее к ней!

Ландграф и певцы

Он снова наш, – какое чудо!
Явился, – как тогда исчез!
Та мощь, что дерзкий дух смирила,
исходит от святых небес!
Отныне слух прекрасной девы,
как прежде, будет нам внимать!
Весенних, светлых дней напевы
в груди певцов должны звучать!

Тем временем на сцене мало по малу собирается весь охотничий отряд Ландграфа, – с сокольничими и пр. Охотники трубят в рога. К концу сцены уже вся долина кишит людьми. Ландграф и певцы поворачиваются к охотникам. Ландграф трубит в свой рог, – зычные звуки рогов и лай псов ему отвечают. – В то время как Ландграф и певцы садятся верхом на лошадей, которых им привели из Вартбурга, занавес падает.

Акт II

Зал певцов в Вартбурге. В глубине сцены – открытый вид на двор и долину. – Елизавета входит в радостном возбуждении.

Елизавета

О, светлый зал мой, здравствуй снова!
Вновь ты мне мил, приют певцов!
В тебе его проснутся песни, –
и я проснусь от мрачных снов!
Как он тебя покинул,
пустынным ты мне стал...
Тоска проникла в сердце,
унынье – в дивный зал!
Теперь в груди трепещет радость,
теперь и ты мне стал сиять:
кто жизнь тебе и мне дарует,
тот ныне будет здесь опять!

Она видит Тангейзера, который входит в сопровождении Вольфрама, поднимаясь с ним по лестнице в глубине сцены.

Вольфрам

(Тангейзеру)

Ты видишь? – Смело сам приблизься к ней!

Он прислоняется к балюстраде балкона в глубине, где и остаётся в течение всей последующей сцены. – Тангейзер в бурном порыве бросается к ногам Елизаветы.

Тангейзер

Принцесса!..

Елизавета

Ах! Это вы! – Нет, нет! –
Мне с вами быть нельзя!

Она делает движение, чтобы удалиться.

Тангейзер

Бежишь? – Оставь, оставь
меня у ног своих!

Елизавета

(с приветливой улыбкой поворачиваясь к нему).

Должны вы встать!

Как вы склонились там, где ваше царство,
где всё покорно вам? – Вы встать должны!
Я рада вам, – примите мой привет!
Где были вы так долго?

Тангейзер

(медленно поднимаясь).

Я блуждал

в чужих, далёких странах. – Тьмой забвенья
окутан ныне мой вчерашний день...
Да, всё забыто, чем я жил и грезил...
Но не мечтал я, мысли не лелеял,
что я вас встречу вновь, – что час настанет,
и образ ваш мои глаза увидят! –

Елизавета

Но... что ж тогда вас привело назад?

Тангейзер

Святая мощь, –
высоких сил благое чудо!

Елизавета

(радостно вспыхивая).

Я славлю это чудо, –
счастливым сердцем славлю! –
(в смущении сдерживаясь)
Простите, я не знаю, что со мною...
В тумане я... Слабее, чем дитя, –
нет сил бежать из плена чар чудесных...
Как мне понять себя? – О, Боже мой!
Какая тайна мне смущает сердце? –
Внимать певцам прекрасным
так рада я была:
усладой мне казались
их звучных строф хвала.
Но непонятной, странной жизнью
мне ваш напев затрепетал, –
то слёзы навевал он скорби,
то к радости безумной звал...
Как нов был этот мир восторгов, –
в груди желанья он зажёг!..
Былые чувства уничтожил
блаженных, новых чувств поток! –
И вот, когда от нас ушли вы, –
погибли дни моей весны:
напевы, что другие пели,
мне стали скучны и темны...
Тоскливо я весь день мечтала
и плакала всю ночь во сне...
Погас в душе источник света...
Генрих! Что вы внущили мне?

Тангейзер

(вдохновенно).

Тобою бог любви владеет,
бог знойной страсти, бог огня!

Он, он зажёг мои напевы,
к тебе он сам привёл меня!

Елизавета

Я славлю мощь святую,
я славлю светлый час,
что новой, властной силой
сюда приводит вас!
Мне солнце вновь сияет
и льёт отрадный свет!
Судьба меня ласкает
и жизнь мне шлёт привет!

Тангейзер

(вместе с нею).

Я славлю мощь святую,
я славлю светлый час,
что новой, властной силой
навек связует нас!
Мне счастье вновь сверкает, –
стремлюсь я жизни в след!
Судьба меня ласкает, –
я рад обнять весь свет!

Вольфрам

(в глубине сцены).

Так грёза счастья тает, –
ах, мне надежды нет!

Тангейзер расстаётся с Елизаветой; он идёт к Вольфраму, крепко его обнимает и удаляется вместе с ним, спускаясь по лестнице. – Елизавета, выйдя на балкон, следит взором за Тангейзером. В боковой двери появляется Ландграф. Елизавета спешит к нему и прячет лицо на его груди.

Ландграф

Ты снова здесь, в чертоге песен, так
давно тобой забытом? Вновь влечёт
тебя борьба певцов, что мы готовим?

Елизавета

О, дядя! О, второй отец мой!

Ландграф

Дочь моя,
что в сердце тайно ты скрываешь?

Елизавета

Взгляни мне в очи! Силы нет сказать...

Ландграф

Спокойна будь и тайны сладость
на дне души безмолвно скрой:
придёт пора, – настанет радость,

и мы услышим голос твой. –
Итак, – те чудеса, что сила песни
посеяла в душе, сегодня он
откроет сам и увенчает грёзу:
да вступит в жизнь волшебная мечта!

Из глубины заднего плана, со двора замка, раздаются звуки труб.

Ландграф

Вот близятся земель моих вассалы, –
на праздник редкий я гостей созвал;
все, как один, спешат сюда: пришла
к ним весть, что праздник этот – в честь тебя!

Трубы во дворе замка. Ландграф и Елизавета выходят на балкон, чтобы видеть прибывающих гостей. Появляются четыре пажа с докладом. Они получают от Ландграфа приказания относительно приёма и т.д. Один за другим входят в зал рыцари и графы со своими дамами и свитой, которая остаётся в глубине сцены; Ландграф и Елизавета принимают гостей.

Рыцари, вассалы и благородные дамы
Мы рады снова видеть зал прекрасный,
где светит нам искусства мирный свет,
где гордо слышат своды клик весёлый:
«Честь, Ландграф Герман! Славься много лет!»

Трубные фанфары. – Собравшиеся гости садятся на отведённые им места, образующие большой полукруг. Ландграф и Елизавета занимают на авансцене почётные места под балдахином. Входят певцы и рыцарским поклоном торжественно приветствуют собрание; затем они садятся на свободные, им предназначенные места, образующие более узкий полукруг в центре зала: Тангейзер занимает место на среднем плане справа, Вольфрам – на противоположном конце слева, лицом к собранию. Ландграф встаёт.

Ландграф

Не мало звучных строф и светлых гимнов
от вас, мои певцы, мы здесь слыхали;
загадкой мудрой, песней беззаботной
отраду в сердце вы вливали нам. –
Когда наш меч в кровавых, грозных битвах
за честь и мощь отчизны воевал,
когда со злобным Вельфом мы боролись
и отвратили тем распада гибель, –
тогда и вы себе стяжали славу.
Красотам чувств и добрым нравам,
невинности и вере чистой
искусством добыли вы здесь
венец неблекнущих побед. –
Сегодня тоже дайте праздник нам:
вновь видим мы сегодня здесь того
певца, по ком так долго мы скучали.
В его внезапном возвращении в Вартбург

загадочную тайну вижу я;
вы чудом песни нам её раскройте!
И вот, я ставлю вам теперь вопрос:
«как вы любви природу объясните?»
Кто всех сильней, кто ей достойный гимн
споёт, тому принцесса приз вручит, –
он может пожелать венца любого:
я, Ландграф, за неё даю вам слово! –
Так, песнопевцы! Пусть бряцают струны!
Задача вам дана, – в бой за успех!
Благодарим вперёд сердечно всех!
(Трубы)

Гости

Честь, Ландграф Герман! Честь!
Великий страж искусства, честь!

Все садятся. – Четыре пажа выступают вперёд; обходя певцов, они отбирают у каждого из них свёрнутый листок с его именем и кладут все листки на золотую чашу. Затем они подносят эту чашу Елизавете, которая вынимает один из листков и опять отдаёт его пажам; прочитав имя, пажи торжественно выходят на середину сцены.

Четыре пажа

Вольфрам фон-Эшенбах, ты первый!

Они садятся у ног Ландграфа и Елизаветы. – Вольфрам встаёт. – Тангейзер опирается на свою арфу, видимо погружённый в грёзы.

Вольфрам

Здесь пред собой я вижу сонм героев:
мне этот блеск смущает дух и взор...
Так много мудрых, сильных, славой гордых, –
цветущий, стройный лес, могучий бор...
Невинной прелестью сияют жёны, –
благоуханных, юных роз венец...
Мне созерцанье очи опьяняет:
потупя их, невольно смолк певец. –
Средь ярких звёзд одной лишь вдохновляясь,
я на высоты устремляю взгляд:
мечты мои зажглись огнём священным
и набожно молитву ей творят...
И вот – открылся мне родник чудесный,
в него мой дух глядит, восторг тая:
в нём почерпнул я радость благодати, –
и сил живых полна душа моя...
Тех светлых струй я никогда не трону,
желаньем жадным не дерзну смутить:
за чистый ключ, источник счастья вечный,
до капли рад я сердца кровь пролить! –
Герои! Нет в моих словах искусства:

вот существо любви, святого чувства!

(Он садится)

Рыцари и дамы

(в сочувственном движении)

Ты прав! Ты прав! Прекрасна песнь твоя!

Тангейзер, словно пробуждаясь от сна: печать гордого своеволия на его лице сменяется выражением восторга, – он устремляет вдохновенный взор в пространство. Лёгкое дрожание его руки, бессознательно перебирающей струны арфы, и демоническая улыбка на устах показывают, что неведомые чары овладевают им. Когда он, словно проснувшись, энергично ударяет по струнам, – вся его внешность обнаруживает, что он почти уже не сознаёт, где находится, – что он не думает боле о Елизавете.

Тангейзер

О, Вольфрам, в этой песне томной
ты исказил любви закон!
Когда бы мир лишь робко жаждал, –
поверь, давно иссяк бы он!
Склоняясь перед Богом, ввысь возденьте очи, –
к небесной дали, к звёздам тайной ночи:
молитесь этим чудесам, –
их не постичь вовеки нам! –
Но что к прикосновению склонно,
то нас всегда к себе влечёт;
что рождено от той же плоти,
то мягкой формой к телу льнёт! –
Родник блаженных наслаждений,
желанья смелость награди!
Неиссякаем ключ отрадный,
как вечна страсть в моей груди!
Да, чтоб огонь горел мне вечно,
ты услаждай меня, струя! –
Так знай же, Вольфрам, вот в чём сущность
любви бессмертной вижу я!

Всеобщее изумление. На лице Елизаветы отражается борьба чувств, – её восхищение смешивается с робким удивлением. – Быстро и гневно встаёт Битерольф.

Битерольф

Сразись скорей со всеми нами!
Кто не смутится, вняв тебе?
Но мой ответ услышь, мятежник, –
клянусь, не сдамся я в борьбе! –
Любовь дарит мне мощь и крепость,
и за любовь сражаюсь я:
чтоб вечно ей оставаться чистой, –
пусть льётся гордо кровь моя!
За честь жены, за скромность девы, –

как рыцарь, бьюсь я до конца;
но то, что ты зовёшь усладой, –
презренно, низко для бойца!

Слушатели
(шумно выражая своё одобрение)
Так, Битерольф! Мы за тебя!

Тангейзер
(загораясь всё более и более)
Ха, дикий волк, не рви же струн!
Ты о любви поёшь, хвастун?
Конечно, друг, тебе чужда
та страсть, что жжёт мне грудь всегда!
Чем насладился ты, бедняга?
Вся жизнь твоя темна, как ночь!
И что тебе сулит блаженство,
то я с презреньем брошу прочь!

Рыцари
(с разных сторон, в величайшем возбуждении).
Пусть он умолкнет! – Нет, мы не потерпим!

Ландграф
(Битерольфу, который хватается за меч).
Оставь свой меч! – Певцы, не надо ссоры!

Поднимается Вольфрам; как только он начинает петь, всё снова совершенно успокаивается.

Вольфрам
О, небо! Будь к нам милосердно!
Мне ниспошли ты благодать,
чтоб мог я вдохновенным гимном
из сонма верных грех изгнать! –
О, свет любви высокой,
сияй нам в этот миг!
Твой луч красотой нетленной
вглубь сердца мне проник!
Ты нас ведёшь на небо, –
я рад лететь восслед:
так мы в тот край уходим,
где светит вечный свет!

Тангейзер вскакивает с места и поёт в порыве крайнего восторга.

Тангейзер
Мой гимн, богиня, ты лишь вдохновляешь, –
хвалу тебе я громко здесь пою!
Ты жизнь волшебной страстью украшаешь,
и всё живое чует мощь твою!
Блажен, чьи руки твой покров срывали, –

восторг любви изведал только тот!
Мне жаль вас, – вы любви ещё не знали!
Скорей, – все, все туда, в Венерин грот!
Все в ужасе и негодовании поднимаются.

Все
Ха! Нечестивец! С нами Бог!
О, стыд! Он у Венеры был!

Женщины
Бежим! Бежим! Скорее прочь!

Все дамы в величайшем смущении и с жестами отвращения покидают зал. – Елизавета, с возраставшим страхом следившая за борьбой певцов, одна из всех женщин остаётся на месте; бледная, она лишь крайним напряжением сил заставляет себя стоять прямо, прислонившись к одной из деревянных колонн балдахина. – Ландграф, все рыцари и певцы покинули свои места и столпились посреди сцены. – Тангейзер, на крайней левой авансцене, ещё некоторое время пребывает в экстазе.

Ландграф, рыцари и певцы
Какой позор! Безбожник сам
свой грех поведал дерзко нам!
Восторги ада он вкушал,
Венеру страстно обнимал!
Ужасно! Гнусно! О, злодей!
В него мечи вонзим скорей!
Проклятым он горит огнём, –
в геену мы его вернём!

Все с обнажёнными мечами нападают на Тангейзера, который принимает вызывающую позу. Елизавета бросается между ними, загораживая Тангейзера собою.

Елизавета
Стойте все! –
Все останавливаются сильно поражённые.

Ландграф, рыцари и певцы.
Что вижу! Как? За грешника
Елизавета заступилась?

Елизавета
(своим телом прикрывая Тангейзера)
Назад! Готова к смерти я сама!
Мне не страшны удары стали!
Удар смертельный в грудь
уже нанёс он мне!

Ландграф, рыцари и певцы
Что слышу я, что это значит?
Как ты, в порыве ложном сердца,
того от кары избавляешь,
кто и тебя стыдом покрыл?

Елизавета

Что значу я? Не я, а он!
Ужель спасенья он лишился?

Ландграф, рыцари и певцы

Надежды бросил он, – прощенья
нет для него на небесах!
Навек он проклят и отвержен,
навек погиб в своих грехах!

Они снова нападают на Тангейзера

Елизавета

Сдержите гнев! Не вам его судить здесь!
Прочь злобу! Бросьте дальше дикий меч!
Услышьте сердцем чистой девы речь!
Что хочет Бог, то я открою вам! –
Ужель вокруг несчастной жертвы
навеки сети чар сплелись?
Ни покаяньем, ни молитвой
ужель не может он спастись?
Хотите вы, борцы за веру,
забыть святой любви закон?
Вы грешный дух сгубить хотите, –
но вам самим что сделал он?
Вот я пред вами: цвет мой юный
одним ударом он сломил...
Он, мной любимый так глубоко, –
ликуя, сердце мне разбил!
Но за него я слёзы лью в молитве,
чтоб он, раскаясь, к небу путь искал!
Пусть грешник падший снова твёрдо верит,
что сам Христос и за него страдал!

Тангейзер, постепенно спустившийся с высоты своего горделивого возбуждения и глубоко растроганный заступничеством Елизаветы, в отчаянии падает ниц.

Тангейзер

О, горе! О, страданье!

Ландграф, певцы и рыцари

(мало по малу успокоенные и тронутые)
Посланник неба, ангел нежный,
вещает нам завет любви...
Взгляни, взгляни, гордец мятеожный!
Предателем себя зови!
Ты, дав ей смерть, сам жизнью ей обязан!
Кто станет мстить, вняв ангельским слезам?
Мы не забудем злого преступленья,
но всяк из нас покорен небесам!

Тангейзер

Спасая грешника от ада,
мне ангела Господь послал:
увы, святого серафима
я дерзким взглядом запятали!
О, Боже, милосердный царь небесный!
Моих терзаний в мире нет сильней!
Прости меня! Грехов объятый мраком,
я не признал посланницы твоей!

После некоторого молчания Ландграф торжественно выходит на середину сцены.

Ландграф

Ужасным преступлением дух смущён наш: –
коварно, в маске лицемерной, к нам
проник греха и тьмы порочный сын! –
Мы гоним прочь тебя, –ты с нами быть
не можешь! Злым стыдом ты наш очаг
покрыл, и грозно смотрит неба взор
на этот кров, что дал приют тебе!
Но можешь ты от вечного проклятия
спастись одним путём; тот путь, изгнаник,
я укажу: им должен ты идти! –
Толпой смиренной пилигримы
из стран окрестных вдаль спешат:
вперёд ушли ряды старейших,
и младших в путь готов отряд.
Их прегрешенья маловажны,
но всё же нет покоя им:
на праздник милосердья светлый
они идут в священный Рим.

Ландграф, певцы и рыцари

И ты смиленно с ними
в заветный град иди;
там, грех свой искупая,
с мольбой во прах пади!
Склонись пред ним, Святейшим,
творящим Божий суд:
лишь те, кого простит он,
покой и мир найдут!
Но бойся без прощенья
вернуться к нам назад:
мечи, что здесь склонились,
позор и зло казнят!

Елизавета

К тебе, Отец небесный,
дай путь ему найти!

Грех тяжкий милосердно
прости ему, прости!
Молиться дни и ночи
о нём – даю обет:
пусть он до смерти узрит
твой благодатный свет!
Мне так отрадно в жертву
всю жизнь мою отдать:
её моей, о Боже,
я не могу назвать!

Тангейзер
Спасенье как найти мне?
Как небу дать ответ?
Навеки я отвержен,
в душе надежды нет!
Но я хочу молиться,
разбить страданьем грудь,
лежать в пыли и плакать:
смиренье – вот мой путь!
О, только б ангел кроткий
не лил тоскливых слёз!
Себя, своё бесчестье
он в жертву мне принёс!

Пение младших пилигримов
(в глубине сцены – звучит снизу, из долины).
В заветном граде, светлым днём,
покаясь я в грехе моём.
Кто твёрдо верит, тот спасён:
прощенья весть услышит он!

Все невольно умерили бурность своих жестов. Елизавета, словно ещё раз защищая Тангейзера, стала опять против надвинувшейся толпы рыцарей; движением руки она обращает их внимание на выполненное веры пение молодых пилигримов. – Тангейзер внезапно сдерживает страстные проявления своей горести и прислушивается к далёким голосам. Яркий луч надежды вдруг озаряет его. С судорожной стремительностью бросается он к ногам Елизаветы, поспешно и пламенно целует край её одежды и затем, шатаясь от огромного возбуждения, направляется к выходу с криком:

Тангейзер
В Рим!

Он убегает. Все вторят ему вслед:
Да, в Рим!

Акт III

Долина перед Вартбургом.

Слева виден Хёрзельберг, – всё как во второй картине первого акта, но только в осенней окраске. День склоняется к вечеру. Направо, на низком горном выступе перед изображением Богоматери, простёрта в молитве Елизавета. С лесистых высот налево на право спускается в долину Вольфрам; на половинной высоте он останавливается, увидев Елизавету.

Вольфрам

Да, снова здесь она в мольбе простёрта, –
я это часто вижу, одиноко
с высот лесистых нисходя в долину...
Тень смерти ей туманит очи;
но сердце молит дни и ночи, –
всё лишь о нём скорбит она:
любовь святая так сильна! –
Здесь ждёт она паломников из Рима:
уж вянет лист, – пора вернуться им...
С прощёнными вернётся ли он? –
О, дни тревоги, дни сомненья!
Творец, услыши её моленья!
Среди осенних, тяжких туч –
о, загорись, надежды луч!

Он хочет спуститься ниже в долину, но в это время слышит пение пилигримов и останавливается. Голоса доносятся очень издалека, медленно приближаясь. Елизавета приближается, прислушивается к пению.

Елизавета

Я слышу песнь! – Они! – Идут толпой!

Вольфрам

Паломники! Звучит напев смиренный, –
о милосердье Божье он вещает!

Голоса старших пилигримов

(за сценой)

Поля мои и лесистые горы!
Ты вновь, отчизна, ласкаешь мне взоры!
Оставить рад я посох мой, –
исполнен ныне обет святой!

Елизавета

О, Боже, научи меня, –
и я мой долг исполню свято!

Вольфрам

О, небо, укрепи её, –
и да решится жребий жизни!

Пилигримы

(мало по малу приближаясь к сцене)

Во прах я Христа молил, –
и Он меня благословил:
Господь прощенье мне дарит,
и песня моя к нему летит!

Пилигримы появляются на авансцене справа. Во время последующего они огибают горный выступ и медленно идут вдоль долины к заднему плану, постепенно удаляясь.

Пилигримы

Отверзлась дверь милосердья благая, –
вступить я призван в селения рая;
пред адом страх в душе исчез,
и славлю я царя небес!

Хвала тебе из века в век!

Елизавета со своего возвышения в большом возбуждении искала глазами Тангейзера среди проходивших мимо неё пилигримов, которые всё более и более удаляются, исчезая наконец в дальний прогалине справа.

Елизавета

(с горестной, но спокойной решимостью)

Нет, не вернулся он!

Голоса пилигримов

Поля мои и лесистые горы!
Ты вновь, отчизна, ласкаешь мне взоры!
Оставить рад я посох мой...

Пение постепенно замирает. – Солнце заходит.

Елизавета

(с большой торжественностью опускаясь на колени).

Мария Дева, всеблагая!
Моей молитве ты внемли!
Дай мне исчезнуть, в смерти тая!
О, скрой меня от бед земли!
Мир безмятежный сердцу дай, –
и вниду я в твой светлый край!

Когда в моей душе желанья
темнили свет твоих лучей, –
когда греховные мечтанья
рождала страсть в груди моей, –
терпела я в борьбе мученья,
чтоб погасить огонь томленья...
Но если я была виновна,
ты милосердья дверь открай:
дай мне смиренно и любовно
предстать, как ангел, пред тобой!

Там я к твоим ногам паду, –
и ты простишь его вину!

Она пребывает некоторое время в благоговейном забытьи; затем, медленно поднявшись, она видит Вольфрама, который приближается к ней, желая что-то сказать. Жестом она просит его не говорить с нею.

Вольфрам

Помочь тебе я в этот час хотел бы...

Елизавета объясняет ему жестами и мимикой, что она от всего сердца благодарит его за верную любовь, но что путь её ведёт на небо, где ей предстоит исполнить высокий долг; поэтому он не должен ни сопровождать её, ни идти вслед за нею. По тропинке, ведущей в Вартбург, Елизавета поднимается в гору до половинной высоты и постепенно удаляется; её облик ещё долгое время виден в отдалении, – пока, наконец, не исчезает совершенно. Вольфрам, всё время следивший глазами за Елизаветой, садится слева у подножия холма и начинает играть на арфе.

Вольфрам

Как смерти призрак, ночь на мир слетает, –
долину чёрной тканью покрывает;
душе, что жаждет тех высот в мечтах,
зловещий мрак внушает смутный страх...
Но ты, звезда, во тьме уже мерцаешь,
свой кроткий свет земле ты посылаешь:
твой луч алмазный ночи тень рассек, –
и путь к высотам узрел человек...
О, нежный луч, вечерний свет!
Я шлю звезде моей привет!
Приветствуй ты её, звезда,
от сердца верного ей всегда!
Над тёмным миром слёз витая,
Уходит ангел к звёздам рая!..

Устремив взор на небо, он продолжает играть на арфе. – Наступила полная ночь. Входит Тангейзер в изодранной одежде пилигрима; его лицо бледно и искажено. Он бредёт неуверенной походкой, опираясь на свой посох.

Тангейзер

(слабым голосом)

Звучала арфа здесь... Напев печальный –
не от неё летит!

Вольфрам

Скажи мне, кто ты,
в ночи бродящий странник?

Тангейзер

Не узнал? –
Но ты известен мне! Ты – Эшенбах,
(насмешливо)
певец весьма искусный!

Вольфрам
(вскакивая с места, горячо)

Генрих, ты?!

Что к нам опять тебя приводит, что?

Как мог ты, если грех твой не прошён,
свои стопы сюда направить?

Тангейзер

О, не страшись, певец мой добрый!

Ведь не тебя и не твоих ищу я...

(С мучительным сладострастием)

Мне нужен тот, кто мне тропу укажет, –
тропу, что я однажды сам нашёл...

Вольфрам

Что ищешь ты?..

Тангейзер

Ищу... Венерин грот!

Вольфрам

Чудовище! Внимать тебе грешно!

Как ты решился?

Тангейзер
(шепотом)

Ты укажешь путь?

Вольфрам

О, ужас! Дрожь берёт от слов твоих!

Где был ты? Разве не ходил ты в Рим?

Тангейзер
(яростно)

Прочь этот Рим!

Вольфрам

Не видел дня святого?

Тангейзер

Прочь этот день!

Вольфрам

Скажи мне всё! Ах, я
молю тебя!

Тангейзер
(после некоторого молчания словно вспоминая, – с горестной злобой)

Да, в Рим и я ходил!

Вольфрам

И что ж? Рассказывай! –

(Медленно)

Друг бедный мой!
Какую жалость ты внушаешь мне!

Тангейзер долго молча глядит на Вольфрама, изумлённый и тронутый.

Тангейзер
(медленно)
Что слышу, Вольфрам? – Ты разве мне... не враг?

Вольфрам
Я не был им! Ты сердцем чист был прежде! –
Но Рим? Чем кончился твой путь?

Тангейзер
Итак, – внимай!
Ты, Вольфрам, всё, – да, всё узнаешь!

Он садится, изнурённый, под выступом горы; Вольфрам хочет сесть рядом с ним.

Тангейзер
Подальше стань! И место, где сажусь я,
Бог клянёт! – Внимай, Вольфрам, внимай!

Вольфрам становится в некотором отдалении от Тангейзера.

Тангейзер
С тем жаром в сердце, что в других сердцах
едва ль горел, я устремился в Рим.
Небесный ангел, ах! в душе моей
греха гордыню уничтожил: –
смиренно претерпеть страданья
и быть прощённым я спешил,
чтоб уладить святые слёзы,
что за меня он громко лил!
Со мною шёл подвижник, полный рвенья,
но труд его казался лёгким мне: –
он шёл по травам мягкими лугами,
но я по терням и отрогам скал;
он в жажде припадал к ручью устами,
я – раскалённый солнца жар впивал;
когда он небу возносил моленья, –
свою кровью я Творца молил;
когда он спал в убежище селенья, –
постелью мне холодный снег служил; –
Италию прошёл я, взор смежая,
чтоб не видать красот земного рая...
Я шёл, терпя и ливня злость, и грозы,
чтоб уладились ангельские слёзы!..

И вот я в Рим вступил в толпе народа,
достиг святыни, – пал, молясь, у входа...
И день настал. – Со звоном колокольным

летели к людям неба песнопенья.
Толпа ждала в волнении невольном:
звучала весть надежды и спасенья!..
Вот вышел он, – апостол Божья страха, –
склонился весь народ к его ногам.
И тысячам он милость дал, из праха
он тысячи счастливых поднял сам. –

Предстал и я, с тоской в поникшем взоре, –
поведал всё, излив признаний море, –
о злых страстях, что овладели мною,
о жажде, что внушил мне мой недуг;
и о спасеныи от оков горячих
я умолял в порыве диких мук. –
А он на этот вопль сказал:
«Ты страсть безбожную вкусил,
и ад твою сжигает грудь;
ты у Венеры в гроте жил, –
за то навеки проклят будь!
Как на жезле в руке моей
вновь зелень листьев не взойдёт,
так и в огне твоих страстей
спасенья цвет не расцветёт!» –

(долгое молчание)

Я замерто упал, простерши руки, –
лишённый сил и чувств. – Когда я встал,
пустую площадь сумрак покрывал;
вдали манили милосердья звуки...
Противно было слышать этот зов!
Прочь от молитв, от лжи смиренных строф,
как смех звучавших зло в моих ушах,
погнал меня далёко дикий страх...
Туда погнал, где столько дивных дней
я пил восторг, – в тепло мечты моей!

(В страшном экстазе)

К тебе, Венера, возвращаюсь, –
в волшебный мрак твоих утех!
В твои чертоги вновь спускаюсь,
где слух мой нежит ласки смех!

Вольфрам
Молчи! Молчи, несчастный!

Тангейзер
Ах, не заставь искать напрасно!
Твой грот тогда мне сам предстал!

Меня все проклинают, гонят!
Ты дай приют мне! Я устал!

Глубокий мрак ночи; лёгкие полосы тумана постепенно заволакивают сцену.

Вольфрам
(овхаченный ужасом)
О, что с тобой! Брат, замолчи!

Тангейзер
Ха! Тёплой мглою мы объяты!

Вольфрам
Ко мне! Зияет ад в ночи!

Тангейзер
Вдыхаешь ли ты ароматы?

Туман начинает аleteь, образуя розовые сумерки. Слышны приближающиеся звуки веселья.

Тангейзер
Ты слышишь смех и ликованье?

Вольфрам
Трепещет в диком страхе грудь!

Тангейзер
(по мере приближения волшебных чар возбуждаясь всё более и более)
Ты видишь страстных нимф плясанье? –
Восторг испить, навек уснуть!

В розовой полутиме виднеются беспорядочные движения пляшущих фигур.

Вольфрам
Ах! Злые чары нам грозят!
На нас несётся дикий ад!

Тангейзер
Мерцает свет блаженной страсти, –
он сладко мне волнует кровь!
Да, – вот любви волшебной царство, –
(вне себя)
Венерин грот мной найден вновь!

В ярко-розовом освещении появляется Венера, покоящаяся на своём ложе.

Венера
Привет, неверный друг, тебе!
Ты изнемог в пустой борьбе?
Покинув злобный мир страданий,
ты жаждешь вновь моих лобзаний?

Тангейзер
Венера! О, моя богиня!
К тебе вернулся я опять!

Вольфрам

Нет, силы ада, – сгиньте, сгиньте!
Души заблудшой вам не взять!

Венера

Я твой побег простить готова,
за то, что вспомнил ты мой грот!
Навек останься здесь со мною, –
источник счастья здесь течёт!

Тангейзер

(с дикой решимостью вырывается из рук Вольфрама)
Навек утратил я спасенье, –
ад даст мне счастье и – забвенье!

Вольфрам

Творец, внемли мольбе моей!
(Он снова хватает Тангейзера, удерживая его)
Генрих! Одно услышь, одно!
Внимай! –

Венера

(с зарождающимся страхом)
Приди!

Тангейзер

(Вольфраму)
Оставь меня!

Венера

Приди! Навеки будь моим!

Вольфрам

Ты можешь быть спасён, несчастный!

Тангейзер и Вольфрам горячо борются.

Тангейзер

Нет, Вольфрам, нет! Я к ней иду!

Вольфрам

Здесь ангел за тебя молился, –
он ныне реет над тобой:
Елизавета!

Тангейзер, только что снова вырвавшийся из рук Вольфрама, внезапно останавливается, как пригвождённый к месту.

Тангейзер

Елизавета! –

Туманные полосы мало по малу темнеют; сквозь них прорезывается яркий свет факелов.

Мужские голоса

(из глубины сцены)

Вдали от бед, вдали от зла
покой и мир душа нашла...

Вольфрам

(в возвышенном умилении)

Твой ангел молит Бога за тебя –
на небесах! Генрих, спасенья жди!

Венера

(уже невидимая)

Ах! Мной утрачен!

Она опускается в недра земли. – Туман исчезает совершенно. – Утренний рассвет. – Из Вартбурга вглубь долины движется траурное шествие с факелами.

Мужские голоса

Ей уготован там приют,
ей херувимы гимн поют!

Вольфрам

(нежным объятием поддерживая Тангейзера)

Ты слышишь этот хор?

Тангейзер

(умирающим голосом)

Я слышу...

Шествие выходит на сцену, появляясь в глубине долины; старшие пилигримы идут впереди, затем певцы – по сторонам открытого гроба, в котором они несут тело Елизаветы; Ландграф, рыцари и вассалы следуют за гробом.

Пение мужских голосов

Ангел прекрасный ввысь улетел,
в сонме блаженных пред Вечным предстал.
Радуйся, грешник, – благ твой удел:
ангела слёзам Всевышний внял!

Вольфрам делает знак, побуждая певцов, узнавших Тангейзера, остановиться и поставить гроб на землю. – Тангейзер, которого Вольфрам подвёл к гробу, склоняется над телом Елизаветы и медленно падает.

Тангейзер

Святая Елизавета, молись за меня!

Он умирает. – Все опускают факелы к земле и таким образом тушат их. Утренняя заря освещает всю сцену. На горном выступе авансцены появляются младшие пилигримы: они несут посох, пустивший ростки и зазеленевший свежею листвой.

Младшие пилигримы

Свят! Свят Властитель горных сил!

Спасенья символ он явил!

Добычу тьмы в полночный час

Господь блаженных чудом спас:

в деснице Папы жезл сухой

украсил он младой листвой!

Так грешник в небесах прощён,

так в царство света внидет он!

Пусть чудо это славит тот,

кто искупленья с верой ждёт!

О, всемогущий царь небес,

Бог милосердья, Бог чудес!

Хвала тебе!

Хвала тебе!

Все

(глубоко растроганные)

Отверзлась дверь милосердья благая, –

вступает грешник в селения рая!

Занавес падает

КОНЕЦ